

Чжан Хайянь бросила легкий косой взгляд на потемневшие лица У Саньшэна и У Эрбая, а уголком губ усмехнулась — холодно и отстраненно.

— Поменьше бы вы болтали, — голос ее звучал звонко, но смысл слов шел вразрез с любым советом: — Разве не видите, до чего у Третьего и Второго господ лица перекосило?

В этом тоне сквозило такое неприкрытое издевательство, что его расслышал бы и глухой.

Стоявшая рядом Чжан Хайсинь тут же закатила глаза, выдав реплику как раз такой громкости, чтобы те четверо точно расслышали:

— Не зная правды, можно подумать, будто кто-то им могилы предков раскопал!

Воздух на мгновение стал тяжелым и вязким.

Черный Свидетель поднял руку и с силой потер пульсирующие виски.

Эта компашка избалованных сорванцов... они и впрямь ничего не боялись.

Он заговорил:

— Хайянь, Хайсинь...

В его тоне сквозило неизбежное предупреждение.

— Завязывайте уже.

Ему совсем не улыбалось по-настоящему разозлить двух господ из семьи У.

И дело было вовсе не в страхе перед их немедленным гневом — куда больше он опасался расплаты потом.

Может, клан Чжан и славился своими боевыми навыками, но эти люди из Девяти Врат...

В особенности двое из семьи У — кто из них не был старым прожженным конспиратором, у которого хитростей больше, чем дырок в сите, а методы чернее туши?

От открытого копья увернуться легко, а вот скрытой стрелы не миновать.

Если эти прямолинейные волкодавы из семьи Чжан попадут на прицел к подобным людям, им придется туго.

Стоило Черному Свидетелю подать голос, как Чжан Хайянь и Чжан Хайсинь тут же прикусили языки.

Однако Чжан Хайсинь всё же не удержалась: скривив губы, она процедила себе под нос:

— Ци-е подсуживает...

Хотя голос звучал тихо, в наступившей мертвой тишине его услышали отчетливо.

Черный Свидетель: «...»

Вот паршивка!

Разве это называется подсуживанием?

Да он просто пытался спасти их от удара исподтишка, о природе которого они бы даже не догадались!

— Чжан Хайсинь! — рявкнул Чжан Хайкэ, и его взгляд стал острым, как лезвие.

Чжан Хайсинь втянула голову в плечи: она пожалела о сказанном в ту же секунду, как слова сорвались с губ. От этого рыка плечи девушки едва заметно дрогнули.

Она мгновенно сникла, опустив голову, и стала похожа на промокшего насквозь щенка.

Глядя на нее, Черный Свидетель почувствовал, как остатки злости улечиваются.

Хайсинь девчонка простая, она вечно крутилась рядом с ним, просто язык у нее был без костей — что на уме, то и на языке.

В конце концов, ничего непростительного она не совершила.

Он вздохнул, смягчив тон:

— Ладно тебе, Малыш Кэ, чего завелся, не пугай ребенка.

Чжан Хайсинь резко подняла голову. Ее глаза ярко блеснули, когда она уставилась на Черного Свидетеля: в них читалось удивление, примесь утешения после незаслуженной обиды и проснувшаяся привязанность. Тихонько она позвала:

— Ци-е...

Черный Свидетель протянул руку и взъерошил ее пушистую макушку. В этом жесте сквозила привычная небрежность, но не было недостатка и в едва заметном баловстве.

— Всё, хватит голову вешать, на кого ты похожа, — усмехнулся он. — Столько времени со мной ходишь, неужто характер Черного до сих пор не изучила? Будь я и впрямь пристрастен, позволил бы тебе тут кровь мне портить?

Успокоив Чжан Хайсинь, Черный Свидетель бросил быстрый, но оценивающий взгляд в сторону У Санышэна и У Эрбая.

На самом дне его глаз залегла тонкая корочка предостережения.

Чжан Хайянь, скрестив руки на груди, холодно наблюдала, как Черный Свидетель треплет по голове Чжан Хайсинь, и фыркнула:

— И балуйте его дальше, рано или поздно на голову вам сядет.

Черный Свидетель с обреченной улыбкой посмотрел на дующуюся Чжан Хайянь, протянул руку и погладил по макушке и ее, произнеся мягким голосом:

— Ну всё, моя маленькая госпожа, окажи милость, перестань дуться.

— М?

Чжан Хайянь от этого движения даже растерялась: ее ледяной и жесткий настрой сдунся, как

проколотый воздушный шарик, но она все равно отвернулась и упрямо бросила:

— И не думала.

Однако, говоря так, от руки Черного Свидетеля она уворачиваться не стала.

Тем временем Чжан Хайсинь, заметив, что Чжан Хайяню тоже погладили по голове, окончательно избавилась от остатков обиды. Уголки ее губ тайком поползли вверх: она решила, что отношение к ней и к сестре одинаковое, отчего даже осмелела настолько, что бросила на сторону семьи У взгляд, полный детского, плохо скрываемого торжества.

Черный Свидетель прекрасно видел все эти мелкие маневры, отчего ему было одновременно и смешно, и досадно.

Он убрал руку, сунул ее в карман и чуть развернулся — движение вышло непринужденным, но он встал как раз так, чтобы заслонить Чжан Хайянь и Чжан Хайсинь от братьев У.

На его лице вновь заиграла привычная бесшабашная улыбка. Подавшись вперед, он чуть качнул подбородком в сторону всё еще хмурых У Саньшэна и У Эрбая:

— Второй господин, Третий господин, детвора болтает лишнее, не подумав. Вы люди взрослые, великодушные, не берите в голову. Позже с меня выпивка, я перед вами извинюсь, м?

Слова прозвучали гладко и давали возможность сохранить лицо, однако ярлык «неразумных детей» был намертво прилеплен к его собственным людям, что недвусмысленно очерчивало границы и подчеркивало привычку защищать своих.

У Эрбай промолчал. Он лишь пристально посмотрел на Черного Свидетеля — взгляд за стеклами очков был цепким и непроницаемым.

У Саньшэн же выдал короткий, резкий смешок носом, его лицевые мышцы дернулись, изобразив нечто среднее между оскалом и улыбкой:

— Что вы, Черный-е, к чему такие формальности.

Заметив реакцию У Саньшэна, Чжан Хайкэ едва заметно нахмурился.

Атмосфера по-прежнему оставалась звеняще-натянутой, словно струна перед разрывом.

В этот момент сидевший до сих пор молча рядом с Черным Свидетелем Чжан Цилин внезапно поднял глаза. Его взгляд лениво скользнул по присутствующим.

В этом взгляде не было ни грамма тяжести, однако он странным образом заставил невидимое напряжение в кинозале застыть на месте.

Он не произнес ни слова, а затем снова опустил ресницы — так, словно вся окружающая суeta не имела к нему никакого отношения.

Но стоило ему бросить этот взгляд, как на губах Черного Свидетеля заиграла куда более глубокая, насмешливая улыбка.

Этот молчаливый Чжан иной раз одним взглядом скажет больше, чем тысяча слов.

Ци Юй и У Се выглядят абсолютно одинаково? Об этом он слышал впервые.

Се Юйчэнь переспросил:

— Ци Юй и У Се действительно похожи до такой степени, что их не отличить?

Разве такое возможно в его понимании — чтобы черта в черту?

Черный Свидетель чуть приподнял подбородок, подтверждая.

— Если поставить их рядом, боюсь, даже самые близкие люди не поймут, кто из них кто.

Брови Се Юйчэня сошлись на переносице:

— Неужели на свете и впрямь бывает настолько безупречное сходство?

Черный Свидетель покачал головой, и в его голосе прорезалась тяжесть:

— Нет. У Се был... вылеплен по образу и подобию Ци Юя.

— Что это значит?

Брови Се Юйчэня нахмурились еще сильнее, с первого раза уловить скрытый смысл слов Черного Свидетеля он не смог.

Каким образом У Се мог быть «выращен по шаблону Ци Юя»?

Черный Свидетель помолчал с минуту, прежде чем заговорить снова. Его голос обрел редкую, суровую торжественность:

— У Се... с самого начала был пешкой, которую Девять Врат тщательно расставили, чтобы сдерживать Чжан Цилина и противостоять ему.

В груди Се Юйчэня все сжалось. Он резко поднял голову, вперив взгляд в Черного Свидетеля:

— Но какое отношение к этому имеет Ци Юй?

Черный Свидетель сделал паузу, и в его тоне проступила сложная смесь чувств:

— По правде говоря, и Ци Юй, и У Се — всего лишь инструменты, которыми Девять Врат пытались держать под контролем Чжан Цилина.

Он поднял глаза куда-то вдаль, и голос его стал еще тяжелее:

— Ци Юй был «выращен» по моему подобию. Что же до У Се... после смерти Ци Юя Девять Врат создали его заново, в точности скопировав внешность и характер Ци Юя.

Зрачки Се Юйчэня сузились до точек, пальцы непроизвольно сжались, костяшки побелели.

— Ци Юй... был «выращен» по твоему образцу?

Се Юйчэнь не успел договорить, как Черный Свидетель кивнул.

Его кадык дернулся — казалось, он пытался сглотнуть назад давно засыпанное пылью прошлое, но в конце концов все равно произнес:

— Да. Это было... очень много лет назад.

У Се, услышав фразу «выглядят абсолютно одинаково», почувствовал, как позвоночник на миг одеревенел.

В памяти мгновенно всплыл тот образ из санатории в Гэньму — лицо человека в видеокассете, которое было точной копией его собственного.

Холод бесшумно пополз вверх по копчику.

Он шевельнул губами, но не произнес ни звука, лишь судорожно сжав пальцами край одежды так, что побелели суставы.

Долго молчавший Чжан Цилин, услышав фразу о том, что У Се нужен был Девять Вратам для сдерживания его самого, едва заметно нахмурился.

Он медленно повернул голову, устремив на У Се спокойный взгляд.

В этих глазах не было ни допроса, ни изумления — лишь бездонный колодец, в темной воде которого отражалось мгновенно побледневшее лицо У Се.

Сидевший в заднем ряду У Саньшэн чувствовал себя так, будто сидел на иголках.

Строки на световом экране разили холодными иглами, впиваясь в каждую трещину тщательно выстраиваемого им спокойствия.

Он опустил глаза, избегая взгляда, который У Се, возможно, бросал на него, и с трудом сглотнул подступивший к горлу ком.

Правду... больше не удержать.

<http://bllate.org/book/20900/2112990>